

УДК 82:008

«Полифонический символизм» Андрея Белого как космологический принцип русской культуры XX века: смыслы, структуры, коннотации

Губанов Сергей Александрович

Кандидат культурологии,
ассистент кафедры культурологии и филологии,
Костромской государственной технологической университет,
156005, Россия, Кострома, ул. Дзержинского, 17;
e-mail: marker6186@list.ru

Аннотация

В данной научной статье рассматривается феномен «символического симфонизма» в творческом контексте исканий Андрея Белого в качестве критерия выстраивания методологического инструментария для постижения неоднозначности смысловых интуиций культурных феноменов Серебряного века. Этот концепт позволяет выстраивать культурную типологию искусства XX века в синтезе музыкального, поэтического и художественного начал, признавать не только культурным кодом реальности, но и обращать внимание на то, что это своеобразный метатекст русской культуры в целом.

Ключевые слова

Космология, Бытие, символ, антиномичность, имманентность, трансцендентность, русская культура, магичность, эмпиризм, интуитивизм, сакральность, феномен, полифонический символизм.

Введение

Культурфилософия Серебряного века на протяжении всего своего

существования пыталась определить особенности миропонимания космологических интуиций Бытия через призму квинтэссенции теургического

акта, реализующегося благодаря синтезу музыки, поэзии и живописи. Как известно, культурфилософия символизма строилась на создании нового жанрового направления, для которого было свойственно внутреннее структурное единство, нивелирующее жанрово-тематический¹ признак принципа целостности произведения.

Потрясающая склонность писателей Серебряного века к созданию метатекста достаточно отчетливо выражена в поэтическом наследии этого периода русской культуры. Это освоение происходило преимущественно благодаря поэтическим средствам, между которыми особым образом достигается тесная связанность между стихотворениями цикла, образующими его художественное единство, и музыкальностью, которая влияла на поэтическую стройность стиха. Так, например, о цикле А.А. Блока «Черная кровь» Е. Эткинд пишет, что в нем

практически каждое отдельно взятое стихотворение «становится как бы элементом поэмы, обладающей единым сюжетом, но сюжетом именно лирическим, не поддающимся пересказу в прозе и более связанным с движением слов-лейтмотивов (гроза, пепел, ночь), нежели с событийным содержанием»².

Стихотворение Серебряного века становится не обособленным структурным сегментом, индифферентно оформляющим целое жанровое произведение, а только лишь частью его художественной природы как целого. По этому поводу В. Брюсов писал к своему сборнику стихов «Urbi et Orbi» (1903) следующее: «Книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы до последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. Отделы в книге сти-

1 См. подробнее работы о лирических формах Л. Долгополова (Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург»: Монография. – Л.: Сов. писатель, 1988. – 416 с.), В. Сапогова (Сапогов В.А. Цикл // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1977. – Т. 8. – Стб. 398-399), М. Дарвина (Дарвин М.Н. Русский лирический цикл: проблемы истории и теории. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1988. – 144 с.) и др.

2 Эткинд Е. Демократия, опоясанная бурей (О музыкально-поэтическом строении поэмы А.Блока «Двенадцать») // Блок и музыка. – М.-Л.: Сов. композитор, 1972. – С. 58-74.

хов – не более как главы, поясняющие одна другую, которые нельзя переставлять произвольно»³. Иначе говоря, практически любой лирический сборник должен представлять собой органическое единство мысли, формы и логической продуманности следования этих художественных практик, так как искажение поэтики может привести к трансформации содержания. Таким образом, в мировоззрении поэтов и мыслителей культуры Серебряного века все более отчетливо просматривается неумолимая тенденция к объективизации лирического жанра вообще, то есть превращение лирических интуиций в форму эпического повествования⁴.

**Творческая эстетика и
антропологический космизм
Андрея Белого: перспектива
формирования концепта
«полифонический символизм»**

Творческое мировосприятие
А. Белого начала XX века формиро-

3 Брюсов В. Urbi et orbi. Стихи 1900-1903 г. – М, 1990. – С. 5.

4 Уже написанный в 50-е годы XIX ст. цикл Ап. Григорьева “Борьба” имел в рукописи подзаголовок «лирический роман».

валось как раз под непосредственным влиянием этих литературных тенденций. Мысль о поиске новых жанрово-стилевых форм не покидала Белого на протяжении практически всего его жизненного пути. Причем тех исключительных форм, где могла выразиться его мировоззренческая концепция. Примером стремления к художественным новообразованиям могут служить его лирические сборники «Золото в лазури» (1903), «Пепел» (1908) и «Урна» (1909), которые абсолютно самодостаточны с точки зрения соблюдения и выдержанности символистской традиции, но не полноценны с позиции формы. Это можно увидеть в принципе построения лирического цикла, ориентированного на художественную легкость, с которой Белый впоследствии перестраивал свои циклы, используя отдельные лирические произведения как сырой материал. Хотя лирический цикл и признавался практически одной из важнейших форм воплощения «неомифологизма» в поэзии символистов (З.Г. Минц определяет концепцию «неомифологизма» символистов в качестве явной формы замещения таких жанровых форм, как «поэмы-мифа» и «романа-мифа»), однако свободное перемещение Белым

внутри лирического цикла логико-структурных позиций стихотворений не являлось основополагающим моментом, поскольку фундаментальным оставался все-таки принцип симфонизма.

Этот принцип помогает писателю одновременно и достигнуть пределов «неомифологизма», и создать новый литературный жанр – симфонию, где наблюдается онтологическая сочетаемость предельной субъективности с идеей максимальной объективности, достигающихся за счет лежащего в их основе антиномического предела символизации феноменов реальности и категорий музыкального мышления, ретранслирующих знаковость симфонизма. В свою очередь, симфонизм Белого предполагает широкое культурфилософское обобщение эстетических инерций явлений и вещей действительности, которые воплощены в художественной форме мифотворческих установок, имеющих всеобъемлющий и универсальный характер.

Признак мифологичности был свойственен не только симфонизму Белого, мифологична была и музыка, «слышимая Блоком в ритме времени». В одном из писем Блока к Белому отмечено следующее:

«Ведь «музыка сфер» – мифологическая глубина». В этой аргументации символического симфонизма просматривается объективная связь с творческими интуициями Вячеслава Иванова, с его «музыкой небесных сфер».

А.В. Лавров вполне справедливо установил, что символический симфонизм Белого сложился из его лирических отрывков в прозе, которые имели музыкальные аналогии. Музыкальная наполненность симфонизма стала своеобразным источником поэтического вдохновения писателя, дарила ему неповторимое ощущение представления о мире как о системе синтетического слияния знаков, звуков, символов Бытия, исключая паралогический ряд звучаний.

Полифонический контекст музыкального мировидения явлений навсегда останется видимой чертой творческой манеры Белого. Сочетание «символический симфонизм» возникло в качестве определения природы творчества не случайно, а стало метафизически номинативным исходя из понимания Белым онтологии слов, что «аналогичны нотным знакам, которые сведущему дают представление о музыкальной фразе, но сами по себе еще

не вызывают ее звучания. Подобием музыкального инструмента при этом должна выступать читательская интуиция, способная осуществить коммуникативную связь между «видимым» и «невидимым», скрытым текстом, восстановить его целостность, претворить отрывочные словесные намеки, описания и указания в «симфонически» организованное художественное единство». Принцип воплощенной творческой коммуникации есть антиномия между полифонической смысловой символикой художественного текста и антропологическим восприятием, осознанием формы смыслового кода этого жанрово-стилистического единства.

В.А. Ашкинази в ином ключе определяет природу поэтического симфонизма А. Белого, отмечая более присущие ему черты реквиема, нежели органического музыкального целого: «Надо быть форменным покойником, чтобы мараить бумагу таким прошлым вздором и еще называть его при этом «симфонией» ... отрывистые фразы Андрея Белого ... скорее гимн безмозглости и реквием здравому смыслу, чем симфония»⁵.

5 Ашкинази В.А. Кстати // Новости дня. – 1903. – №7140. 24 апр. – С. 3.

Функционирование концепта «полифонический символизм»: антропологическая теургия и диалектика интуитивизма

Символический симфонизм важен для творческого сознания Белого в том, что он способствует рождению феноменологии теургической готовности восприятия личности к мистическим параллелям иного мироустройства, дает возможность взглянуть на природу языка, как на инструмент художественного творения не с точки зрения логико-формальной структуры оформления слова, а, прежде всего, с позиции метафизического кода. Слово способно не только пробуждать и повсеместно активизировать теургические центры самопознания личности, но и настраивать их уникальным образом при помощи музыкальной квинтэссенции, способной привести чувственное мирозерцание к провиденциальным формам и границам. Они реализуют символ слова в качестве своеобразного перехода между имманентным и трансцендентным мирами, их медиум пространственных коммуникаций, проведенный сквозь призму антиномической диалектики. В статье «Магия слов» Белый детально проговаривает аналогичный про-

цесс: «Когда я называю словом предмет, я утверждаю его существование. Всякое познание вытекает уже из названия. Познание невозможно без слова».

Истинная художественная природа слова признается бинарным архетипом, с точки зрения античности, и внутренне антиномичным со стороны специфики культурфилософии Серебряного века. Свойства бинарного архетипа проявляют себя в том, что слово концентрирует античные парадоксальные апории Зенона, касающиеся конечности и бесконечности движения пространства Бытия. Символом конечности выступает имманентная типология существования самой семантики слова в действительности. Прообразом бесконечности номинально становится система метафизических музыкальных сосредоточий в слове, что в его структурной организации ретранслирует символическую органичность или симфоническое тождество трансцендентных интенций Логоса.

Внутренне антиномическое содержание в русской культуре формируется исключительно в параметрах метафизической, сакральной традиции понимания представления слова, философии имени в Бытии. Так, куль-

турная традиция имяславия помогает определить слово в качестве движущей и движимой онтологической величины пространственно-временной организации феноменов, открывающей возможный медиум сокровенной корреспонденции между субстанциональностью вещи и ее наполненностью сверхчувственными коннотациями и модальностями. В итоге получается, что слово, ввергнутое в сознание личности и экстраполирующееся им в системе мировоззренческих установок, предопределяет антиномический метод познания, так как, с одной стороны, конденсирует характерные признаки его продуктивного носителя (символизирующего), а с противоположной стороны, во многом способствует проникновению в таинства метафизической сущности «всеединства» (модальности символизируемого) Бытия.

Антиномические модели «полифонического символиз- ма» в космологической эстети- ке Андрея Белого

Благодаря плодотворному взаимодействию категорий символизирующего и признаков символизируе-

мого в художественном раскрытии феноменологического статуса явлений в творческом дискурсе Белого модифицируется два типа антиномизма.

Первый определяется как интуитивно-созерцательный. Его сущность видится в том, чтобы рассматривать процесс познания явления в модусе эмпирических практик интуитивного опыта личности, помогающего безошибочно проверять и устанавливать созерцание в виде идеи объективного художественного чувства, выводящего первичную антиномическую связь познающего и познаваемого.

Второй тип носит название интуитивно-диалектический. Специфика этого типа состоит в том, что он преломляет чувственно-созерцательную интуицию, как вид имманентного познания, и направляет ее силовой модус в сторону исследования диалектической практики вещи, олицетворяющей устремленность сознания к границам сверхчувственной, трансцендентной области, то есть там, где берет свое начало вселенская гармония.

Таким образом, наблюдается совершенно исключительная антиномическая область, потенциально пролегающая между диалектикой интуитивного созерцания имманентности

и стремлением постичь диалектическую природу трансцендентности, сообразно располагающимися в параметрах познавательной деятельности личности, показывающей итоговую предельность критического эмпиризма и беспредельную идею теургического интуитивизма.

В концепции творчества Белого космологический принцип теургического интуитивизма сближается с философией имени о. П. Флоренского, друга и единомышленника писателя в области метафизического символизма. Слово, по мнению Флоренского, «носит характер *вещный, субстанциональный*, так как в сокровенном имени вещи заключена ее сущность»⁶, следовательно, «сами боги владеют всем потому, что знают имена всего; их же имен – никто не знает»⁷. Получается, что если человеческое познание обладает истинным определением слова, значит, оно безотносительно к чему-либо владеет метафизической симфонией диалектики символов вещи, приобретает онтологическую власть внутри нее и над ее сущностью.

Природа слова для Белого соткана посредством антиномий, и глав-

6 Флоренский П. Оправдание Космоса. – СПб.: РХГИ, 1994. – С. 46-48.

7 Там же. – С. 54.

ная цель художника-демиурга – обозначить предел их функционирования и вывести на уровень вселенской гармонии, создать новое мировое пространство. «Мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как и тайны мира, внутри меня заключенные; мир внешний проливается в мою душу; мир внутренний проливается из меня в зори, в шум деревьев; в слове и только в слове воссоздаю я для себя окружающее меня извне и изнутри, ибо я – слово, только слово»⁸.

Одновременно с этим слово расценивается творческим сознанием Белого, как символ преодоления какофонии звуковых сигналов Бытия и сведения их антиномичности к форме синергии звучания. Слово признается магичным и живым только потому, что оно имеет контекст музыкальной симфонии, так как изначально сосредоточивает фонологический набор звуков, при выстраивании которых определенным образом зарождается в нем сакральный смысл, растворяющийся в человеческом сознании. Такого рода слово – «квинтэссенция самого человечества; и потому первоначально поэзия, познание, музыка

и речь были единством; и потому живая речь была магией, а люди, живо говорящие, были существами, на которых лежала печать общения с самим божеством»⁹.

Идея Белого о музыкальности слова как энергийного средоточия его сакрально-мистической природы, гармонизирующего начала вселенной восходит к философским взглядам Платона, Шопенгауэра и Ницше.

Онтологическое понимание музыки как символической кодификации Бытия, по мнению Д. Максимова¹⁰, на русской почве известно со времен Н.В. Гоголя, а символисты (Вяч. Иванов, А. Блок) только лишь начали активно развивать эту идею. Для Белого эта концепция оказалась не только актуальной, но и вполне востребованной не только в символическом симфонизме, но и в романах, особенно в технике композиций, основывающейся на системе антиномических ракурсов «крайней рассыпанности фабулы ... и глубинной связанности разрозненных событийных фрагментов с помощью лейтмотивов»¹¹, отражающих, тем

9 Там же. – С. 132.

10 Максимов Д.Е. Поэзия и проза Александра Блока. – Л.: Сов. писатель, 1981. – С. 363.

11 Сильман Т. Заметки о лирике. – Л.: Сов. писатель, 1977. – С. 176.

8 Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – С.131.

самым, противоречивость реального мира и гармонию сакральных сфер. Эта антиномичность плоскостей Бытия не только стала закономерной чертой анализа Белым музыкального воплощения символических симфоний внутри феномена, но и отразила результат развития западноевропейской и русской культуры конца XIX – начала XX веков.

Выводы

Таким образом, представленные в исследовании принципы постижения культурного пространства в рамках космологической эстетики Андрея Белого с позиции концепта «полифонический символизм» помогают глубже понять, что базисными смысловыми и форменными эквивалентами его экспликации признаются: музыка, теургическая природа слова, разнообразие антиномий в антропологических практиках. Полифонический символизм детерминирует само содержание культуры для Андрея Белого в качестве уникального и универсального пространства Бытия, где основополагающим предикатом является гармония ее имманентных и трансцендентных плоскостей. Таинство их пределов сознание и вос-

приятие человека способно уловить и конденсировать, трансформировать в нечто иное, превосходящее ожидающееся и ожидаемое в структурной организации явления, если готово вслушиваться в сакральную систему кодификации мира, видеть в обыденных смысловых сцеплениях феномена то, что называется метафизической природой, или шире – метафизическим символизмом. Для мировоззрения Андрея Белого концепция полифонического символизма обладает способностью представлять ее различные пласты функционирования: специфику морфологического и метафизического статусов, а также особенности онтологического и феноменологического дискурсов.

Библиография

1. Ашкинази В.А. Кстати // Новости дня. – 24 апр. 1903. – № 7140. – С. 3.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
3. Брюсов В. *Urbi et orbi*. Стихи 1900-1903 г. – М.: Скорпион, 1990. – 202 с.
4. Дарвин М.Н. Русский лирический цикл: проблемы истории и теории. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1988. – 144 с.

5. Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Монография. – Л.: Сов. писатель, 1988. – 416 с.
6. Максимов Д.Е. Поэзия и проза Александра Блока. – Л.: Сов. писатель, 1981. – 552 с.
7. Сапогов В.А. Цикл // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1977. – Т.8. – С. 398-399.
8. Сильман Т. Заметки о лирике. – Л.: Сов. писатель, 1977. – 223 с.
9. Флоренский П. Оправдание Космоса. – СПб.: РХГИ, 1994. – 222 с.
10. Эткинд Е. Демократия, опоясанная бурей (О музыкально-поэтическом строении поэмы А. Блока «Двенадцать») // Блок и музыка. – М.-Л.: Сов. композитор, 1972. – С. 58-74.

Andrei Belyi's "polyphonic symbolism" as a cosmological principle in russian culture of the XXth century: meanings, structures, connotations

Gubanov Sergei Aleksandrovich

PhD (Culturology),

Assistant professor of the department of culturology and philology,

Kostroma State Technological University,

P.O. box 156005, 17 Dzerzhinskogo st., Kostroma, Russia;

e-mail: marker6186@list.ru

Abstract

Within the scope of this research article the author considers the concept of Andrei Belyi's "symbolic symbolism" as a factor of his creative intentions for comprehension of complex, universal and by far not ambiguous fundamentals in cultural philosophy of the XXth century. In this respect for Andrei Belyi the fundamental concepts for identification of natural essence became the methodological criteria of phenomenological, ontological, structurally functional and cosmological methods of creation revelation as a special form of implementation of theurgy condi-

tion of a self-actualizing man. The adequate mouthpiece of their ideological-formal intentions is the word as a condenser of external and internal, empirical and transcendental exploitation of Russian culture, inimitable musicality of Genesis symbols which grow from the theurgy perspective of cosmology. From here the two foundational approaches in Andrei Belyi's creative world view are formed. The first is defined as intuitive-contemplative. Its essence lies in considering the cognitive process of the phenomenon in the modus of empirical practices of an individual's intuitive experience which helps accurately examine and set up contemplation in the form of the idea of objective artistic feeling. That feeling outputs the primary antinomic connection between the actualizing man and cognizable things. The second type is called intuitive-dialectical. The type's specificity lies in the fact that it refracts aesthetically contemplative intuition as a variant of immanent perception and directs its power modus to the area of exploration of dialectical proceeding of the object which personifies determination of consciousness towards the borders of supersensible transcendental sphere i.e. wherein the universal harmony originates. Therefore Andrei Belyi considers an artist as a demiurge of culture, who is tracing the perspectives of its genesis through the prism of antinomic combination of immanent and transcendental planes and their continuous participation in sacralization of the world.

Keywords

Cosmology, Genesis, symbol, antinomy, immanence, transcendence, Russian culture, empiricism, intuitionism, phenomenon, polyphonic symbolism.

References

1. Ashkinazi, V.A. (1903), "Apropos" ["Kstati"], *Novosti dnya*, No. 7140, p. 3.
2. Belyi, A. (1994), *Symbolism as a world outlook* [*Simvolizm kak miroponimanie*], Respublika, Moscow, 528 p.
3. Bryusov, V. (1990), *Urbi et orbi. 1900-1903 poems* [*Urbi et orbi. Stikhi 1900-1903 g.*], Skorpion, Moscow, 202 p.
4. Darvin, M.N. (1988), *Russian lyrical cycle: problems of history and theory* [*Russkii liricheskii tsikl: problemy istorii i teorii*], Izd-vo Krasnoyarsk. un-ta, Krasnoyarsk, 144 p.

5. Dolgoplov, L. (1988), *Andrew Bely and his novel "Petersburg". Monograph [Andrei Belyi i ego roman "Peterburg". Monografiya]*, Sov. pisatel', Leningrad, 416 p.
6. Etkind, E. (1972), "Democracy, belted by storm (about music and the poetic structure of Alexander Blok's poem "The Twelve")", *Blok and Music* ["Demokratiya, opoyasannaya burei (O muzykal'no-poeticheskom stroenii poemyy A.Bloka "Dvenadtsat'")"], *Blok i muzyka*, Sov. kompozitor, Moscow-Leningrad, pp. 58-74.
7. Florenskii, P. (1994), *Justification of space [Opravdanie Kosmosa]*, RKhGI, St. Petersburg, 222 p.
8. Maksimov, D.E. (1981), *Alexander Blok's poetry and prose [Poeziya i proza Aleksandra Bloka]*, Sov. pisatel', Leningrad, 552 p.
9. Sapogov, V.A. (1977), "Cycle", *Brief Literary Encyclopedia ["Tsikl", Kratkaya literaturnaya entsiklopediya]*, Sov. entsiklopediya, Moscow, Vol. 8, pp. 398-399.
10. Sil'man, T. (1977), *Lyric notes [Zametki o lirike]*, Sov. pisatel', Leningrad, 223 p.